

12. Фрейберг Л. А, Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. С. 241.
13. Памятники византийской литературы IX–XIV вв. С. 310.
14. Аверинцев С. С. Риторика и истоки. С. 287.
15. Там же. С. 287.
16. Хвостова К. В. Философия истории Георгия Пахимера и современная информатика // Византийский временник. М., 1986. Т. 46. С. 146–156.
17. Там же. С. 155.
18. Горянов Б. Т. Религиозно-полюемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в XIII–XV вв // Византийский временник. М., 1956. Т. 8. С. 132–142; Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб.: Алетейя, 1998; Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский и арсениты (К истории восточной церкви в XIII в.) СПб., 1873; Михайленко С. В. Роль арсенитов в политической жизни Византии в начале XIV в. // Мир православия. Волгоград. 2002. Вып. 4. С. 77–102.
19. Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 236.
20. Там же. С. 237.
21. Там же. С. 237.
22. Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв // Византийский временник. М., 1973. Т. 35. С. 154–164.
23. Там же. С. 159.

Ольга Андреевна ПОПОВА –

старший преподаватель

кафедры иностранных языков

факультета истории и политических наук

Диалог Ульриха фон Гуттена «Арминий»

УДК 94(430)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются политические воззрения немецкого гуманиста Ульриха фон Гуттена. Акцент делается на формулирование национальной идеи Гуттена на основе его обращения к героическому прошлому древних германцев. Автором рассматривается диалог Ульриха фон Гуттена «Арминий».

This article presents political views of a German humanist Ulrich von Hutten. Formulation of Huttens national idea on the bases of heroic past of the ancient Germans is stressed. The author considers the dialogue of Ulrich von Hutten «Arminius».

Ульрих фон Гуттен занимает исключительное место в истории немецкого гуманизма и так называемого «Северного Возрождения» [1]. В отличие от большинства представителей гуманистической мысли он обращался не столько к идеалам классической древности, великому прошлому Древней Греции и Рима, сколько к историческому наследию древних германцев. В этой связи особый интерес приобретает обращение Ульриха фон Гуттена к Арминию (16 г. до н. э. – 21 г. н. э.), героическому вождю эпохи войн германцев с Римом.

Нельзя не признать достижений предшествующей историографии в осмыслении интеллектуального наследия Гуттена в целом и его национальной идеи в частности. Уже усилиями немецких просветителей И. Г. Гердера (1744–1803), И. В. Гуте (1749–1832) и К. М. Виланда (1733–1813) сочинения и переписка Гуттена получили широкое общественное звучание, а сам Гуттен приобрел статус национального героя Германии.

Создатели первых научных биографий, Л. Шуберт [2] и К. Мейнерс [3], представляли Гуттена идеологом освобождения Германии, независимости от универсалистских притязаний римско-католической церкви. В этом же контексте характеризовал творчество Гуттена немецкий мыслитель К. Хаген: «Никто не представлял национальное направление в столь высокой степени, как Ульрих фон Гуттен» [4].

Однако систематическое изучение творчества Гуттена началось в конце пятидесятых годов XIX в. Первое фундаментальное исследование интеллектуального наследия немецкого гуманиста принадлежит перу видного либерального философа и публициста Д. Штрауса (1808–1874) [5]. Ульрих фон Гуттен характеризуется как национальный герой, боровшийся за духовную свободу и независимость Германии.

Концепция Д. Штрауса нашла дальнейшее развитие в трудах немецких историков последней четверти XIX в. – начала XX столетия, которые еще более усилили националистические мотивы [6].

Иначе оценивали деятельность Гуттена протестантские историки. К примеру, П. Кальков [7] уверял, что Гуттен не имел никакой национально-политической программы, выражал крайне консервативные взгляды немецкого рыцарства.

Работы П. Калькова дали начало дискуссии о смысле творчества Гуттена. Наиболее активными участниками полемики были такие историки, как Х. Хольборн [8], О. Флаке [9] и Ф. Вальзер [10].

В частности, Х. Хольборн отмечал в творчестве Гуттена идеи национализма, стремление выразить потребности национального развития страны.

По мнению О. Флаке, Гуттен являлся «гением полемики», центром интересов которого была нация.

Ф. Вальсер видел основную заслугу Гуттена в его способности как «гения национальной агитации» понять насущные потребности Германии и выразить их в идеях «свободы и отечества». «Гуттен, – писал Вальсер, – всегда руководствовался наивным, но честным «национальным чувством», «элементарным патриотизмом», и хотя нельзя отрицать, что он обладал «сколько-нибудь выдающимся сословным сознанием», все же путь, который он себе избрал – быть человеком своей нации».

Высокая оценка роли Гуттена как идеолога борьбы за национальную свободу Германии была свойственна также и русской дореволюционной историографии. Известные историки А. Н. Савин [11] и В. Ивановский [12] высказывали ряд ценных суждений, касавшихся отношения Гуттена к нации и немцам, к созданию собственной национальной церкви.

Наибольший вклад в изучение наследия Гуттена в российской историографии внесен В. М. Володарским [13], считавшим Гуттена одним из главных выразителей формировавшегося немецкого национального самосознания.

Несмотря на бесчисленность обращений к творчеству Гуттена, роль отдельных произведений мыслителя в формировании национальной идеи недостаточно оценена. В частности, диалог «Арминий» оказался почти не замеченным исследователями, он даже не вошел в первое издание трудов Гуттена. Между тем это сочинение представляет особый интерес для исследователя.

История создания «Арминия» может быть понята в контексте открытия гуманистами античных текстов, освещавших события древней германской истории. Здесь особое значение имело открытие рукописей древнеримского историка Корнелия Тацита, надолго утраченного и забытого в средние века.

В 1515 г. в Риме Ф. Бироальдом [14] были впервые опубликованы «Анналы» Тацита с Корбийского кодекса, в которых повествовалось об Армии, вожде германских племен, ведущем борьбу с римскими легионами. Гуттен упоминал о факте появления книг Тацита в диалоге «Вадиск, или римская троица» [15], в разговоре

главного действующего лица, Эрнгольда, с автором. Гуттен выразил огорчение тем, что печатник отказался переиздать пять вновь обнаруженных книг Тацита, сославшись на буллу Льва X, согласно которой перепечатка Тацита запрещалась на десять лет. По-видимому, по этой же причине и диалог Гуттена «Арминий» появился на десять лет позднее.

Вот что сам автор сообщал о перипетиях выхода в свет тацитовских «Анналов» в связи со злосчастной буллой. Все в Германии были взбудоражены папским запретом, издатели и типографы боялись связываться с гуманистами, в том числе и с Гуттеном, боясь гнева понтифика; самому Гуттену этот страх казался предрассудком и суеверием; булла, по его оценке, предписывала воздерживаться от развития способностей, интеллекта и наук. Издатель наотрез отказывался печатать запрещенный труд, боясь, что станет добычей дьявола, если выполнит просьбу Гуттена и вообще будет оказывать услуги ученым. Тогда Гуттен задал ему вопрос: «А вдруг какой-нибудь папа дойдет до того, что под страхом отлучения запретит германцам возделывать виноградники и искать золото? Неужели после этого люди станут пить одну воду и выбрасывать деньги в грязь? А если нас вознамерятся, по злобе, лишить наук, которые куда желаннее и золота и вина, и предпишут вовсе ими не заниматься, — как, по-твоему, согласимся мы на это, или, с великой скорбью в душе, ответим папе отказом?» Печатник ответил: «Откажете». «Так чего же ты боишься явить взору немцев Тацита? Ведь ни один писатель не отзывался о наших предках с большей похвалою, чем он!» [16] (Пер. с нем. наш — О. П.).

В «Послании к Фридриху Саксонскому» [17] Гуттен вновь обратился к истории древних германцев, восхищаясь древними племенами херусков и хавков, которые во время войны с Римом явили образец величайшего мужества; именно они дали Германии Арминия, самого замечательного и самого доблестного из полководцев всех времен и народов, что признавали даже враги. «Не только свой родной край, но и всю Германию вырвал он из лап римлян, которые находились тогда на вершине славы и могущества, а завоевателей, измученных и обессиленных страшными поражениями, неустанно теснил и, наконец, изгнал совсем». «Какие же чувства испытывает теперь в царстве мертвых наш избавитель, видя, что мы по-рабски служим трусливым попам и изнеженным епископам, меж тем как сам он не потерпел владычества доблестных римлян, хозяев и господ всего мира?! Разве не стыдно ему за свое потомство [18]?» (Пер. с нем. наш — О. П.).

Ответ на этот вопрос Гуттен дал в диалоге «Арминий», который вошел в «Разговорную книжицу» («Gesprächbüchlein»), появившуюся осенью 1519 г. Диалог «Арминий» был опубликован врачом Лохером лишь в 1529 г., спустя шесть лет после смерти Ульриха фон Гуттена. В этой рукописи есть слова, которые подводят итог жизни писателя-публициста: «Не за славу, богатство или власть боролся я. Целью моею было стремление вернуть отечеству насильно отнятую независимость» [19]. (Пер. с нем. наш — О. П.).

Кем был Арминий? Гуттен устами Тацита пояснял: «Без сомнения, он был освободителем Германии, ему было 37 лет, 12 из них он был у власти. Арминий напал на римлян во время их расцвета, успех в битвах был переменным, но в войне он остался непобедим и до сих пор живет в песнях варваров» [20]. (Пер. с нем. наш — О. П.).

Действие в диалоге Гуттена «Арминий» («Arminius») происходит в подземном царстве мертвых, где встретились великий полководец Александр Македонский, Ганнибал, полководец из Карфагена, Арминий, прославленный вождь древнего королевского германского племени херусков, разбивший три римских легиона в 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу, римский историк Публий Корнелий Тацит, Меркурий, посланник бога, наиболее почитаемый германцами, Минос, могущественный и спра-

ведливый царь острова Крита, сын Зевса и Европы, ставший беспристрастным судьей в подземном царстве благодаря своей справедливости, а также Сципион, римский полководец.

Арминий приходит к Миносу в подземное царство мертвых и упрекает его в несправедливом присуждении почестей и наград при выборе лучшего полководца всех эпох, обойдя при этом германца. Александр Македонский оказался первым полководцем в Элизимском раю, царстве блаженных, на втором месте — римский полководец Сципион Африканский Младший, завоевавший Карфаген, а на третьем месте — карфагенянин Ганнибал. Арминий очень обижен, что его забыли, но при этом уверен в том, что занял бы первое место среди них. Минос успокаивает Арминия тем, что они судили людей по их собственным признаниям дел и поступков, к примеру, эти три полководца оспаривали между собой первенство в военных делах. Минос представляет им Арминия как вождя древних германцев, боровшегося против римлян за свободу и победившего их.

Как свидетельствует история, а также Тацит, Арминий служил офицером германского вспомогательного отряда, получил римское гражданское право, завоевал доверие римского наместника Квинтилия Вара, которого заманил в ловушку и победил в знаменитом Тевтобургском лесу. Одержанная победа вызвала всеобщее восстание, и в результате римское господство на территории между Рейном и Эльбой было ликвидировано. Вар покончил жизнь самоубийством. Это сражение было самым тяжелым военным поражением Рима за всю эпоху правления императора Августа и положило конец римскому владычеству во внутренней Германии. Поэтому в качестве свидетеля судьбы призывают великого римского писателя-историка Тацита.

Боги знают, что Тацит всегда был честным в описаниях исторических событий и объективно отображал их, хорошо знал Германию, обычаи и нравы германцев. Арминий продолжает речь в свою защиту словами: «В нищете, покинутый всеми, я продолжал свой путь, чтобы вернуть свободу, полагаясь на свое мужество, преодолев предательство Сегеста, Ингуиомера, Флавия. Несмотря на то, что войска были плохо оснащены, я применил смекалку и расторопность в бою с врагом и победил его» [21]. (Пер. наш — О. П.) Арминий прекрасно понимал, что «безопасность отечества состояла из одной его личности» [22]. «Римское государство я вверг в такое отчаяние, что император Август, которого называли самым счастливым и могущественным властителем, решил умереть, чтобы не увидеть, как я завоюю Рим, что мне как раз и не пришло в голову». Но ни предательство близких родственников, ни пленение его беременной жены Туснельды не уменьшили любовь Арминия к отечеству. «Наоборот, боль превратилась в гнев и заставила меня с еще большим ожесточением продолжить то, что я начал» [23]. (Пер. наш — О. П.).

«Об этом могут засвидетельствовать в царстве мертвых, как яростно я бушевал против предателей отечества и его врагов. В краткий срок мне удалось прогнать римлян из Германии и по сей день они больше ничего не могут сделать. Я осуществил объединение Германии и, наконец, начал наслаждаться достигнутой свободой. Мною двигало не стремление к славе и корысти, а стремление к добродетели. Я разбил римлян не для того, чтобы мне поставили памятник. Я боролся не ради богатства и славы. Моя единственная цель, определявшая все поступки, — вернуть отечеству насильно отнятую свободу» [24]. (Пер. наш — О. П.).

Александр Македонский бросает упрек в адрес Арминия: «Но этот Арминий был рабом, в то время как я всегда был король и свободен». В ответ на это Арминий гордо отвечает своему обидчику: «Никогда в духе я не был рабом, всегда думал только о свободе и ничто более не занимало мой разум, чем мысль о том, чтобы при благоприятных обстоятельствах суметь помочь своему отечеству. Пока мой народ терпел рабство и я не мог начать дело, мне приходилось скрывать свои намерения и

мысли о свободе. Меня вдохновила на подвиги справедливость моего дела» [25] (Пер. с нем. наш — О. П.)

Великие полководцы мира, оспаривая свое право на первенство, упрекают Арминия в стремлении к обладанию королевским титулом, поработить свой народ, сбросить с него римское, а надеть свое ярмо. На эти упреки Арминий отвечает мудро: «В необходимом случае большей властью должен обладать в обществе тот, кто более всех печется о высших государственных делах. Ибо легко можно потерять общественную свободу, если я отдам власть, с помощью которой я должен ее защищать, тем, кто является моим врагом» [26] (Пер. с нем. наш — О. П.).

В результате боги решают, что великой славы в этом состязании заслуживает только Арминий и об этом сейчас узнают все, и никто другой не будет удостоен венка славы, а только Арминий, самый свободный, самый «непобедимый и самый национальный герой» [27]. (Пер. наш — О. П.)

В период формирования нации, озабоченной поиском своих культурных и исторических корней и традиций, на наш взгляд, рождалась потребность в обращении к прошлому своего народа, национальным героям — реальным историческим фигурам, персонажам преданий, хроник, анналов. Образ Арминия, созданный немецким гуманистом Ульрихом фон Гуттенем, сыграл особую роль в формировании национальной идеи и пробуждении немецкого самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немилов А. Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978; Немилов А. Н. Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии раннего немецкого гуманизма XV–XVI в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1958; Немилов А. Н. Немецкие гуманисты XV в. М., 1979; Брагина Л. М. Проблемы Возрождения // Средние в. Вып. 34. М., 1971; Брагина Л. М. Гражданский гуманизм и этико-политическая мысль // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984; Горфункель А. Х. Гуманизм–Реформация–Контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981; Горфункель А. Х. К спорам о Возрождении // Средние в. Вып. 46. М., 1983; Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герместическая традиция. М.: Юрист, 1996; Held P. Ulrich von Hutten. Sein religiös-geistige Auseinandersetzung mit Katholizismus, Humanismus, Reformation. Leipzig, 1978; Маркиш С. П. Знакомство с Эразмом Роттердамским. М.: Худ. лит-ра, 1971; Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. М.: Гослитиздат, 1961; Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982; Ревякина Н. В. Из истории этических учений Эпохи Возрождения // Вестник Московского государственного университета. М., 1962; Соколов В. В. Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962; Стам С. М. Место культуры Возрождения в историческом процессе секуляризации мысли и знания // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 76–86.
2. Schubart L. Ulrich von Hutten. Leipzig, 1791.
3. Meiners C. Das Leben Ulrichs von Hutten. Zürich, 1797.
4. Hagen K. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse in Reformationszeitalter. Bd. III. S. L., 1868. S. 47.
5. Strauss D. F. Ulrich von Hutten. Leipzig, 1914. Рус. пер. сделан со второго издания книги (1871 г.): Штраус Д. Ульрих фон Гуттен. СПб., 1896.
6. Wolf G. Ulrich von Hutten. B., 1906; Jordan K. Ulrich von Hutten. B.; Leipzig, 1908.
7. Kalkoff P. Huttens Vagantenzeit und Untergang. Weimar, 1925; Idem. Ulrich von Hutten und die Reformation. Leipzig, 1920. S. 216.
8. Holborn H. Ulrich von Hutten. Leipzig, 1929.
9. Flake O. Ulrich von Hutten. B., 1929. Новое изд.: B., 1983.
10. Walser F. Die politische Entwicklung Huttens während der Entscheidungsjahre der Reformation. München; B., 1929.

11. Савин А. Н. Религиозная история Европы эпохи Реформации. М., 1914. С. 80.
12. Ивановский В. Одна из бурных натур реформационной эпохи Ульрих фон Гуттен / / Образование. СПб., 1897. № 9; 11.
13. Володарский В. М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние в. Вып. 26. М., 1964; Он же. Ульрих фон Гуттен в зарубежной историографии XX в. // Культура возрождения XVI в. М., 1997.
14. Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения // Соч.: В 2-х т. М.: Ладомир, 1993. С. 34-35.
15. Hutten, Ulrich, von. Deutsche Schriften / Hrsgb. v. Mettke H. Bd. I. Leipzig: VEB Bibliogr. Inst., 1972. S. 80-82.
16. Ibid. S. 82-83.
17. Hutten, Ulrich, von. Freiheit der Deutschen Nation / Hrsgb. v. Gottmann E. Jena: Eugen Diederichs V., 1943. S. 47-48; Гуттен, Ульрих, фон. Диалоги. Публицистика. Письма. М.: Акад. Наук СССР, 1959. С. 385.
18. Hutten, Ulrich, von. Freiheit der Deutschen Nation. S. 48-50.
19. Hutten, Ulrich, von. Arminius // Die Schule des Tyrannen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. S. 192-194.
20. Sommer E. Das Leben ist die Fülle, nicht die Zeit. Eine Porträtstudie Ulrich von Huttens. В., 1955. S. 177.
21. Hutten, Ulrich, von. Arminius. S. 192-194.
22. Ibid. S. 196.
23. Ibid. S. 197.
24. Ibid. S. 202.
25. Ibid. S. 205.
26. Ibid. S. 205.
27. Ibid. S. 206.

Вячеслав Владимирович СОЛОМАТИН —
аспирант кафедры новой истории
и международных отношений
факультета истории и политических наук

Буонарроти и Робеспьер

УДК 94(44)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена Филиппо-Микеле Буонарроти, участнику «заговора равных», лидеру коммунистического движения в Европе, влиянию на формирование его мировоззрения теоретических представлений и практических мероприятий Робеспьера — главы Революционного правительства.

The article is about influence of an outstanding person of French Revolution Robespierre on a formation of democratic views of one of the European communist leader — Filippo-Michele Buonarroti.

Филиппо-Микеле Буонарроти, о котором пойдет речь в данной статье, был одним из ближайших сподвижников Г. Бабефа в 1796 г. и наиболее последовательным продолжателем его дела. Он пронес идеи «равных» через империю и реставрацию, и в 1828 г. в Брюсселе, находясь в изгнании, опубликовал книгу об этом «заговоре», так и названную — «Заговор равных». Значение работы Ф. Буонарроти было велико: многие революционеры не только в Западной Европе, но в Америке и России воспитывались на этом произведении. Идейное влияние Буонарроти испыта-